

ernationalmigration/bulletins/ukpopulationbycountryofbirthandnationality/yearending june2021 (дата обращения: 01.03.2024).

ONS, 2021-2 – ONS. Table 2.3: Non-British population in the United Kingdom by nationality and sex. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/datasets/populationoftheunitedkingdombycountryofbirthandnationality> (дата обращения: 04.03.2024).

ONS, 2022 – ONS. Ethnic group, England and Wales: Census 2021. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/ethnicity/bulletins/ethnicgroupenglandandwales/census2021> (дата обращения: 15.06.2024).

Scotland's Census, 2011 – Scotland's Census. Ethnicity. URL: <https://www.scotlandscensus.gov.uk/census-results/at-a-glance/ethnicity/> (дата обращения: 12.02.2024).

Scottish Government, 2013 – Scottish Government: Prison statistics and population projections Scotland: 2011-12. Edinburgh, 2013.

Scottish Government, 2015 – Scottish Government: Prison statistics and population projections Scotland: 2013-14. Edinburgh, 2015.

Silvestri, 2013 – *Silvestri, A.* Prison conditions in the United Kingdom. Rome, 2013.

SoR, 2006 – Statistics on Race and the Criminal Justice System – 2005. Home Office, 2006.

Sturge, 2021 – *Sturge, G.* UK Prison Population Statistics. Briefing Paper № CBP-04334. The House of Commons Library, 29 October 2021.

УДК 398.224

Санькова С. М.,

доктор исторических наук,

доцент, профессор кафедры философии и культурологии,

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.

Образ эпического героя в свете современной отечественной историографии

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-2-211-226

В данной работе представлена попытка построения «идеального типа» эпического героя на основании историографического анализа отечественных исследований в различных областях, связанных с данной темой. Автор исходит из необходимости проведения разграничения между мифологическим и эпическим героем, несмотря на то что в реальной эпической традиции они зачастую смешиваются. Для построения образа эпического героя было выделено и описано четыре основных признака: историческое время, становление героя, эпический поступок, смерть героя. На основании полученных результатов в последующем планируется выявление и обоснование признаков

эпического героя в произведениях современной культуры.

Ключевые слова: эпос, эпический герой, миф, мифологический герой, эпическое время, эпическое становление, эпический поступок, эпическая смерть.

The image of the epic hero in the light of contemporary domestic historiography

Sankova S. M.,

*Doctor of Historical Sciences,
Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies,
Orel State University named after I. S. Turgenev*

This work presents an attempt to build an «ideal type» of an epic hero based on a historiographic analysis of domestic research in various fields associated with this topic. The author proceeds from the need to distinguish between the mythological and the epic hero, despite the fact that in the real epic tradition they are often mixed. To build the image of an epic hero, four main signs were highlighted and described: historical time, the formation of a hero, an epic act, the death of a hero. Based on the results obtained, it is planned to subsequently identify and substantiate the signs of an epic hero in the works of modern culture.

Keywords: *Epic, epic hero, myth, mythological hero, epic time, epic formation, epic act, epic death.*

Образ эпического героя, пронизывающий мифологию и литературу разных культур и эпох, представляет собой богатый объект для междисциплинарного исследования. Он интересен не только филологам и фольклористам, к его изучению обращались антропологи, психологи, социологи, историки, по меньшей мере, с XIX в. В Европе начало данных исследований можно связать с мифологической школой, основывающейся на эстетике Ф. В. Шеллинга и братьев Шлегелей и с последующей её критикой. В России основы историко-культурного направления в изучении эпоса были заложены монографией Л. Н. Майкова «О былинах Владимирова цикла» [Майков, 1863]. Таким образом, может сложиться впечатление, что об эпическом герое уже все сказано, причем сказано давно. До сих пор переиздается, следовательно, не потеряла своей актуальности первая зарубежная обобщающая работа, посвященная этой теме, — книга Джозефа Кэмпбелла «Тысячеликий герой» [Кэмпбелл, 2008]. Однако с момента первого издания его исследования прошло уже 75 лет и произошло несколько смен культурных парадигм, поэтому нам представляется актуальным вновь обратиться к этому вопросу. Тем более, что работой Кэмпбелла отнюдь не исчерпывалась данная тема, а по форме издания она носила скорее не научный, а публицистический характер.

Актуальность обращения к современной историографии данного вопроса определяется тем, что мы имеем накопившийся за последние десятилетия этнографический и исследовательский материал преимущественно отечественных ученых, работающих с фольклором, в том числе и эпическими преданиями, различных народов, проживающих на территории нашей страны. При этом анализ таких работ показывает, что они опираются на значительные наработки, сделанные в этой области еще в советский период, включая монографическое исследование основателя отечественной исследовательской школы теоретической фольклористики Е. М. Мелетинского, подводящее своеобразный итог разработке темы героического эпоса в СССР [Мелетинский, 1963]. О том, что данная работа не утратила своей актуальности, говорит тот факт, что она была переиздана издательством РАН в начале XXI в. [Мелетинский, 2004]. Однако современный разрозненный по отдельным научным статьям материал не получил до настоящего времени полного обобщения. Появившаяся в начале 2020-х гг. научная монография в двух частях филолога и философа А. С. Миронова [Миронов, 2022; Миронов, 2023], основанная на его докторской диссертации, в какой-то мере частично ликвидирует этот пробел, однако она рассматривает исключительно русский былинный эпос, не затрагивая исследования, посвященные эпическим сказаниям других народов российского государства, и посвящена лишь одному аспекту образа былинного героя – аксиологическому.

В то же время все зарубежные исследования, включая работу Д. Кэмпбелла, так или иначе связанные с темой эпического героя, строятся преимущественно на европейском материале, в первую очередь античном, лишь иногда включая древневосточные предания и, стараниями К. Леви-Стросса, индейские. Использование современных отечественных наработок поможет расширить эмпирическую базу исследования феномена эпического героя и уточнить его сущностные характеристики. Также важным моментом является то обстоятельство, что в зарубежных исследованиях, опять же, начиная с «Тысячеликого героя», а вслед за ними и в ряде отечественных работ, часто не проводится четкой грани между мифом и эпосом, и соответственно между мифологическим и эпическим героем. В частности, современный историк Д. В. Колосов, опираясь на уже давно сложившуюся в мировой историографии традицию, определяет Геракла как «классический... образец эпического героя» [Колосов, 2015: 95]. И в то же время он отмечает правомерность версии о первоначальном статусе Геракла как одного из богов дорийских племен, позднее низведенного до уровня эпического героя [Колосов, 2015: 102]. Таким образом, он перешел из разряда героя мифа в героя эпоса. Из-за подобной ситуации представляется нецелесообразным брать его в качестве эталона для выделения основных признаков эпического героя. Впрочем данная ситуация характерна не только для Геракла, именно поэтому наиболее объективным представляется путь обобщения черт различных эпических героев, порожденных различными культурами с целью выделения таких признаков, которые присутствуют в наибольшем количестве рассматриваемых примеров. Понимая, что грань между

мифом и эпосом в народных преданиях действительно может быть размыта, и не отрицая такого феномена как «мифо-эпическое сознание» [Шенкао, 2011], тем не менее, для осмысления эпического героя как явления народного самосознания необходимо сделать определенную демаркацию. Это позволит в дальнейшем выявить эпического героя в современной литературе, отделив его от супер-героя, который, на наш взгляд, как раз больше тяготеет к мифологической составляющей героики.

Целью исследования является уточнение основных черт, составляющих образ эпического героя на основе современных работ в данной области. В качестве основных методов исследования использовались историографический и сравнительный анализ, а так же метод «идеального типа» М. Вебера. Последний применялся нами для систематизации полученного в ходе историографического и сравнительного анализа материала и выделения ключевых черт эпического героя. Полученный таким образом «идеальный тип» эпического героя планируется в дальнейшем использовать для анализа современных произведений на предмет выявления в них признаков эпического героя. Что будет сделано в нашей следующей работе.

Главной же причиной нашего обращения к теме эпоса стала никак не первый взгляд не связанная с нею проблема кризиса современного образования. Имея возможность в силу профессии беседовать на своих занятиях по философии со вчерашними школьниками, я могу воочию убедиться в том, что проблема, образно описанная талантливым публицистом М. О. Меньшиковым еще в начале XX в., вновь стала актуальной: «Дух человеческий, – писал он, – как бы распялся на бесконечно-разнообразный, волнующийся радужными переживаниями хаос познания. Нет более центра, на котором бы он строился, нет лица Божия и его подобия – лица человеческого. Неизвестно, для чего собственно, для какой основной истины мы пришли в мир, для чего исследуем тысячи вещей и запоминаем их» [Меньшиков, 1901: 3]. Но, описав проблему, Меньшиков предположил, что корнем ее является традиционное рассмотрение обучения как накопление знаний, между тем, по его мнению, и я с ним в данном вопросе солидарна, основной акцент необходимо делать на образовании как средстве обретения человеком своего собственного образа или самообретения. В современном понимании эта задача может быть определена как «самоидентификация», но обществу безусловно хотелось бы, чтобы она сопровождалась процессом «инкультурации», «социализации», принятия общепринятых моральных установок. Однако мне представляется, что идея «обретения образа» гораздо точнее и конкретнее передает суть желаемого процесса и показывает необходимое искомое для него: идеальный образ для подражания. Идеалы и ценности общества не могут быть переданы в сухом остатке простым перечислением пунктов и норм. Они должны быть представлены в привлекательной и образной форме, чтобы работать не на запоминание, а на принятие и культивирование в себе самом. И этой задаче соответствует именно эпический герой.

Кто такой эпический герой и почему он с завидным постоянством появляется в мировой культуре? Эпический герой – это в первую очередь идеальный образ для воспитания новых поколений. Все типические черты эпического героя хранят в себе идеал человека. А сам эпос как жанр представляется основой воспитательного процесса народа, как на ранней стадии его развития, так и в дальнейшем в особые переломные моменты его истории. Можно сказать, что эпос – это всегда своеобразная «педагогическая поэма». Не случайно известный российский востоковед, исследователь эпоса о Гильгамеше В. В. Емельянов предполагал, что этот эпос стал прототипом «романов воспитания» [Емельянов, 2015: 9].

Многие исследователи национальной эпической традиции народов российского государства признают, что наряду с особенными национальными чертами эпические герои имеют и наднациональные составляющие. Так, герой адыгейского героического эпоса «Нарты» несет в себе «этноспецифичные» черты, позволяющие выживать в суровых горных условиях, но в то же время многие из них являются «универсальными, общекультурными и социально значимыми, особенно в современном нам обществе» [Vigel, Zholobova, 2017: 26].

Исследователи алтайского эпоса «Когутэй», отмечая, что его главный герой представляет собой «обобщенный образ, объединяющий в себе совершенные качества представителя алтайского народа», и «воплощает в себе национальный идеал человека», полагали, что «в этом он полностью соответствует мировой эпической традиции» [Тозыякова, Гребенникова, 2021: 2953, 2954].

Эпос – это повествование, которое близко подходит к понятию «нарратив» Ж.-Ф. Лиотара, полагавшего, что «в формировании традиционного знания первенствует нарративная форма», а «самая лучшая форма» передачи такого знания – это «рассказ» [Лиотар, 1998: 55]. Он также отмечал, что «именно через рассказы передается набор прагматических правил, конституирующих социальную связь» [Лиотар, 1998: 55]. Только если оценивать отношение Лиотара к нарративам в исторической ретроспективе, то мы не увидим ни одного общества, которое могло бы существовать длительный срок без нарративов, что дает основание усомниться в возможности осуществления такого проекта и в длительной перспективе в будущем. Осознавая это, народное сознание (возможно опираясь на коллективное бессознательное), «коллективное сознание» взамен устаревающим или отвергаемым новыми условиями жизни нарративам создают новые, т.е. создают новые эпические сказания, обеспечивающие новую основу для «духовного единения» [Хоконов, 2012: 265]. Их формы могут меняться в зависимости от социокультурных и научно-технических изменений, но сущность остается прежней – нарративной.

В частности, современный Китай, столкнувшись с постмодерном в процессе сближения с западной культурой в последние десятилетия, осознает его диссонанс не только с коммунистической идеологией, но и с национальными традициями. Это интуитивное осознание отчасти и породило почву для появления новых эпических произведений, как в литературных, так и в

визуальных формах. (Этой теме будет посвящено отдельное исследование). В России же в последние годы от подобного осознания перешли к более решительному отказу от крайнего либерализма в пользу традиционализма, что так же может восприниматься (а возможно и является) как эпохальный период, требующий новых идеалов, а значит новых эпических героев. Осознаваемая и ранее необходимость обращения к традиционным национальным ценностям, «истокам народной культуры, традиционного мировоззрения, как стержню духовной культуры этноса» [Низамутдинова, 2012: 344], начинает декларироваться на всех уровнях государственности. Показательно, что как раз в это время и появилась упоминавшаяся выше монография Миронова в двух частях, посвященная аксиологической составляющей русских былин.

Собственно говоря, это и является ответом на вопрос, почему эпический герой не канул в прошлое? Почему его образ остается востребованным? Эпические времена порождают эпических героев. Под эпическими временами я предлагаю подразумевать такие периоды в истории конкретного народа или группы народов, которые являются поворотными (ключевыми) для их истории.

Эпическое время, выражаясь современным языком, это время слома, смены парадигм, время критического изменения состояния этноса. И эпос в подобные времена служит сохранению и передаче базовых ценностей. Уже упоминавшийся нами современный исследователь русских былин А. С. Миронов за основу своей работы взял представление «о том, что героический эпос хранит и транслирует ценности традиционной культуры; что поступки эпических героев мотивированы ценностями, которые могут являться элементами единой ценностной системы – аксиологической картины мира», но картины узко-национальной, хотя и основанной на христианском мировоззрении [Миронов, 2022: 5, 296]. Однако если исходить из идеи К. Ясперса о том, что базовые моральные установки наднациональны и выражаются знаменитым «Золотым правилом нравственности», то можно предположить, что базовые ценности во всех эпосах должны иметь нечто общее. Это может объяснить, почему эпос и становится по мере развития межкультурного общения международным. Косвенно на это обстоятельство указывает и Кэмпбелл, отмечая, вслед за Тойнби в условиях первой половины XX в., что герой – это тот, кому «удалось преодолеть свои личные и конкретные исторические ограничения и прийти к универсальным, присущим всему человечеству формам. Такие видения, идеи и творческие импульсы человека порождаются в нетронутом чистом виде самой сутью человеческой жизни и мышления. Потому они красноречиво свидетельствуют не только о современном состоянии распадающегося общества и его отражении в мыслях, но и являют собой извечный неиссякаемый источник вечного возрождения общества» [Кэмпбелл, 2008: 20]. Красноречивым свидетельством тому, что интерес к эпическим героям выходит за рамки отдельных культур и народов, стал выход в 2015 г. в серии «Жизнь замечательных людей» уже упоминавшегося выше профессора В. В. Емельянова, посвященной герою одного из древнейших эпических преданий, Гильгамешу [Емельянов, 2015]. В предисловии к этому изданию он

отмечал, что в этой же серии вышли биографии Моисея и короля Артура (которых научная традиция так же относит к числу эпических героев) и другие «псевдобιοграфии», что, по его мнению, свидетельствует об интересе к «символическим персонажам культуры», вписанным в «историю культурных традиций, в восприятие множества людей самых разных национальностей и поколений» [Емельянов, 2015: 6].

Эпическое время. Первый признак эпического героя: эпический герой живет в наиболее значимый исторический период, в некое переходное или кризисное время, когда решается судьба породившего его народа. Жизнь эпического героя тесно переплетена со знаковыми событиями жизни народа (государства, если оно уже есть). Наиболее четко этот признак определен уже упоминавшимся профессором Е. М. Мелетинским, выделявшим «эпический фон, несущий определенный общественно-исторический смысл» как один из знаковых элементов «эпико-героического жанра» [Мелетинский, 2004: 423].

Пространство мифа и пространство эпоса, хотя часто переплетаются, но имеют разграничение как раз связанное со временем, в котором разворачиваются события повествования. Как отмечал М. Элиаде, «миф излагает сакральную историю», восходящую к «началу всех начал» [Элиаде, 2010: 14]. Можно сказать, что миф имеет дело со временем метафизическим, а эпос уже с историческим. Сам эпический герой в отличие от героя мифа может быть «наделен властью, страстностью и силой выражения, намного превосходящими наши собственные, однако его поступки все же подлежат критике общества и подчиняются законам природы» [Фрай, 1987: 233] и вписываются в контекст истории. Применительно к башкирскому эпосу так же отмечалось, что его герои «в разных формах и в разной степени вступают в связи с историей, испытывают ее воздействие, несут на себе внешние и внутренние проявления такого воздействия» [Зарипова, 2017: 1072].

Кэмпбелл, говоря о переходе в мифо-поэтическом творчестве от богов и мифических героев к просто героям, указывал, что «метафизика уступает место предыстории, смутной и неопределенной вначале, но постепенно обретающей все большую точность в деталях. Герои становятся все менее сказочными, пока, наконец, на последних стадиях различных местных преданий легенда не выходит из тени времен на привычный дневной свет поддающегося документированию времени» [Кэмпбелл, 2018: 248]. Не случайно часто имеет место поиск реального исторического прототипа эпического героя (считается, что мощи Ильи Муромца хранятся в Киево-Печерской лавре) или, наоборот, «историческое лицо со временем приобретает черты эпического героя» [Колосов, 2015: 95], подобно Гильгамешу, чье имя было найдено в списке царей династии Урука и который позднее был обожествлен [Емельянов, 2015: 29]. В обоих случаях важным моментом является то обстоятельство, что эпический герой должен восприниматься соплеменниками реальным человеком, чтобы создавать ощущение, что таким может стать каждый, что выступало знаковым воспитательным моментом и помогало эпосу выполнять ту образовательную функцию, о которой говорилось выше.

Отечественные исследователи народных эпических произведений неоднократно отмечали, что время их создания являлось тем или иным переходным периодом. Так, алтайский эпос «Когутэй» описывает время перехода от «родового строя» к «феодальной эпохе» [Дмитриев, 1935: 13]. Исследователь образов и сюжетов эпоса «Манас» А. А. Бакиров в качестве исторических предпосылок к его возникновению указывает на кочевничество как «переломный момент в жизни древних предков киргизов», приведший к необходимости перестройки всего экономического и хозяйственного уклада «на базе кочевого скотоводства», что в свою очередь способствовало разложению «родового строя и развитию периода военной демократии» [Бакиров, 2021: 498, 499]. На затянувшийся длительный период разложения родового строя, повлиявший на формирование «эстетики богатырства» в эпосе предков «тюрко-монгольских народов» указывал и советский исследователь Мелетинский [Мелетинский, 2004: 340].

Да и переход Геракла от мифического к эпическому герою большинство исследователей связывает с периодом в истории Древней Греции, когда совершался даже не один, а несколько важных социокультурных переходов: от ахейцев к дорийцам; от архаики к государственности; от коллективизма к индивидуализму и, возможно, даже переходу от матриархата к патриархату, подобно тому, как это происходило в шумеро-аккадский период истории Месопотамии, породивший другого эпического героя – Гильгамеша [Колосов, 2015: 102]. Другой герой античных мифов, так же бесспорно, по мнению многих исследователей, являющийся эпическим героем (представляется, что даже в более чистом виде, чем Геракл), Тесей, помещается в то же историческое время перехода от крито-Микенской к собственно греческой цивилизации, «став символом и орудием последней» [Кэмпбелл, 2018: 16]. Основные темы южнославянского и более поздних западноевропейских эпосов также соотносятся с ключевыми историческими событиями для этих народов (например, битва на Косовом поле, события Реконкисты), а их герои – исторические прототипы [Мелетинский, 2004: 446–447].

Эпическое становление. Следующий признак эпического героя, отмечающийся многими исследователями, – нетипичное происхождение или рождение. В случаях перехода из разряда богов в разряд героев, как у Геракла, это полубожественное происхождение. Как и в случае с Гильгамешем, прошедшим обратный путь от правителя до божества, который считался «сыном богини Нинсун» [Емельянов, 2015: 30].

Матерью героя общетюркского эпоса Идиге по разным версиям считается водная дева, дева-лебедь или дочь пери. В башкирском эпосе «Идукай и Мурадым» Идукай по одной из версий также является сыном дочери морского царя. Однако в других вариантах этого эпоса Идукай уже лишается волшебного происхождения и становится сиротой, которого либо находят пастухи, либо он сам приходит к хану наниматься на работу пастухом [Зарипова, 2017: 1073].

Главный герой нартского эпоса Сосруко «рождается» из камня, оплодотворенного пастухом (или, по другой версии, божеством), прельщенным

Сатаной (рожденной от небожителя дочерью водного владыки) [Дзицкойты, 2003: 46]. Здесь мы также видим либо полубожественное, либо полностью божественное происхождение, да еще и сопровождающееся необычным «зачатием» и «рождением». Также из камня (упавшего метеорита) появляется другой герой нартского эпоса Ёрюзмек. В багацохуровском цикле эпоса «Джангар» герой рождается из скалы» [Б.Б. Горяева, Д.В. Убушиева, 2022: 390]. Близнецы из армянского эпоса «Давид Сасунский» рождаются от того, что их мать выпила воды из двух чудесных родников [Амбарцумян, 2016: 37–38].

В другом адыгском нартском эпосе герой Батарез (Батараз), потерявший в младенчестве родителей, был спрятан старухой Ваквой (Вакъуэ-Нанэ) в тайной пещере. Ваква, обладая пророческим даром, знала, какого героя она растит и делала все возможное, чтобы убийца его отца до срока не узнал о нем [Хоконов, 2012: 267].

В алтайском эпосе «Когутэй» его «главный герой появляется в лесу из дупла гнилого дерева в облики бобренка (в других вариантах лисенка) и уговаривает бездетного бедняка Когутэя взять его к себе приемным сыном» [Тозыякова, Гребенникова, 2021: 2954].

Как мы уже сказали выше, не для всех эпических героев характерно знаковое происхождение или необычное появление на свет. Ярким примером тому является Илья Муромец – сын обычных крестьян, чьи особенности стали проявляться уже после рождения. Поэтому для полноты картины целесообразнее рассматривать в комплексе весь круг обстоятельств рождения и детства эпического героя. Особые обстоятельства детства героя, его взросления, могут, с одной стороны, выступать формой инициации, посвящения во взрослую, а в случае с эпическим героем, в будущую героическую жизнь. Так, героя кыргызского эпического произведения «Сказания о Карач и Кокул» Куола отец еще младенцем помещает в «потайное место», где тот находится в одиночестве до 6 лет, набираясь сил [Турсуналиев, 2016: 321].

И здесь часто подчеркивается одиночество героя на начальном этапе его становления. Герой башкирского народного эпоса «Акбузат» в пять лет потерял отца и мать. «Ходил он из дома в дом и выпрашивал еду» [Юлдыбаева, 1914: 150]. Илья Муромец, хоть и не был сиротой, но 30 лет не выходил из дома, не имея возможности принимать участие ни в играх с детьми, ни в играх молодых людей.

Часто из-за раннего проявления своей силы герой также оказывается в вынужденном одиночестве, так как сверстники сторонятся его, опасаясь пострадать в играх с ним. Типичное описание такой ситуации встречается в былине про Василия Буслаевича: «Стал по улицам похаживать, С робятами шуточки пошучивать: Кого за руку дернет – рука с плеча, Кого за ногу дернет – нога с колен, Кого за голову дернет – голова с плечи вон» [Новиков, 2008]. Один из героев эпоса «Давид Сасунский» Мгер Младший также во время игр с другими детьми по неосторожности их калечит [Амбарцумян, 2016: 37–38].

В классическом описании детства Геракла также находим сюжет с убийством учителя из-за нерассчитанной силы удара, вследствие чего приемный отец Геракла счел за благо отправить его подальше от людей пасти стада.

Чудесное происхождение героя делает его историю более пограничной с мифом или сказкой, в то время как описание необычного пути становления героя, который от рождения не был наделен никакими особыми качествами, более эпическая характеристика, если исходить из заявленной выше «образовательной» функции эпоса. Так, в эпосе проводится идея о том, что героями не рождаются, героями становятся. Такой подход дает надежду каждому, что при соответствующих решимости, воле, усилиях, но и, конечно же, удаче он может прожить особенную жизнь, прославив и себя и свой народ.

Также необычное, «чудесное» появление на свет эпического героя по мере ухода от мифологичности заменяется рождением вне принятых традиций и социальных норм конкретного народа. Часто эпический герой является незаконнорожденным, что сулит ему «проблемы с признанием в своем племени» [Фидаров, 2012: 222]. Такая ситуация описана, в частности, в сюжетах о безымянном сыне Урузмага осетинского Нартовского эпоса и Сказа о Сохрабе «Шахнаме». Мотив непринятия социумом усугубляется в обоих случаях отсутствием обряда «наречения именем». В нарттовском эпосе герой так и остался безымянным, а Сохрабу дала имя мать без всяких обрядов. «Номинально, до признания отцом и племенем, до исполнения обрядов над ним, мальчика нет» [Фидаров, 2012: 222].

Таким образом, будущий герой оказывается с рождения в статусе как бы несуществующего. И ему надо доказать, что он реален, доказать свое право на то, чтобы быть кем-то. Описанная ситуация означает, что герой будет становиться таковым «не благодаря, а вопреки». Тем самым в классическом, по определению Мелетинского, эпосе, в отличие от архаического, т.е. мифологического, отчетливо просматривается идея, описанная Арнольдом Тойнби применительно к становлению цивилизаций: «вызов – ответ». Сумев противостоять вызову своего рождения и детства, в процессе ответа на это вызов эпический герой и становится героем. И этот мотив, как будет показано в дальнейших работах, является доминирующим в создании образов эпических героев в современной культуре.

В то же время позиция незаконнорожденного или сироты приводит к тому, что эпический герой не привязан к конкретной семье. «Правда народа ставится в эпосе на первое место перед правдой рода» [Шенкао, 2011]. Та же ситуация просматривается в мифо-эпическом образе героя, являющегося либо сыном богов, либо сыном правителя, а значит опять же в ответе за весь свой народ. На «общественный характер героической деятельности» эпического героя обращает, в частности, внимание А. А. Бакиров: герой-богатырь выступает как защитник всех тех, кто нуждается в этом.

Эпический поступок. Несмотря на разные культурные традиции, отразившиеся на особенностях поведения героев различных эпосов, можно все же выделить основной принцип, которым они руководствуются. Девиз

эпического героя: делай, что должно, и будь, что будет. Понимаемый не как смирение с судьбой, но как выбор действий в соответствии со своими нравственными установками, несмотря на возможные негативные последствия. Выбор этот делается без какой-либо рефлексии и сомнений, так как другого пути эпический герой попросту перед собой не видит. Так, описывая черты героя алтайского эпоса «Когутэй», отечественные исследователи отмечали, что «ему чужды внутренние психологические противоречия» [Тозыякова, Гребенникова, 2021: 2954].

Со стороны этот выбор кажется продиктованным «безрассудной удалью», на деле же это просто следование своим единственно возможным путем. Это рационализм, основанный не на выгоде или на высоких шансах на успех, а на долге. Это является, по определению профессора Р. Кыдырбаевой, «максимализмом эпического идеала» [Кыдырбаева, 2013: 8]. Показательно, каков девиз рыцарей круглого стола под предводительством короля Артура: «Сила – это еще не справедливость, справедливость – это и есть сила».

Так как большая часть истории сопровождается войнами, то и образы эпических героев – это чаще всего образы воинов. А в условиях военного столкновения принцип «делай, что должно, и будь, что будет», предполагает в качестве одного из возможных вариантов смерть. Таким образом, эпический герой характеризуется готовностью к принятию смерти (то, с чем не мог смириться мифологический Гильгамеш, отправившийся за цветком бессмертия, но принял Гильгамеш в ипостаси эпического героя, когда этот цветок утратил). В этой связи хрестоматийным примером такого эпического выбора в реальной истории является подвиг 300 спартанцев в Фермопильском проходе. В русском былинном эпосе это наглядно демонстрируется в знаменитом сюжете: Илья Муромец у развилки трех дорог, – когда он выбирает поехать по той, где надпись на камне ему обещает быть убитым.

Наиболее ярко готовность героем принять свою смерть прослеживается в эпических произведениях кочевых народов. Так, в эпической поэме «Повесть об Убаши-хун-тайджи» монгольские воины говорят: «Когда б ни пролиться ей – кровь одна,/ Когда бы ни лечь им – кости одни» [Тугутов, 2008: 90]. А в калмыцком эпосе «Джангар» встречается схожий мотив. Его герой Аля Шонхор говорит: «Если иссохнуть [суждено] – так лишь восьми моим костям, / Если пролиться [суждено] – так чаще крови моей» [Тугутов, 2008: 90]. И совсем в духе 300 спартанцев звучат слова смертельно раненного Убаши-хун-тайджио, обращенные к своим воинам: «и вам, молодцы, не вернуться домой. / Друг другу подушкой служа / Падите вы все, как один. / Вспомните доброе имя свое: / Да не пристанет к нему клевета, / Будто спасались вы бегством!» [Тугутов, 2008: 91].

Герой карачаево-балкарского эпоса из нартовского цикла Ёрюзмек показательно восклицает: «Если поеду – голову потеряю, Если не поеду – честь [нарта] потеряю» [Амбарцумян, 2016: 41].

Применительно к русским былинам А. С. Миронов также отмечает, что «Для художественного мира эпоса вполне применимо наблюдение М. М. Бахтина о том, что именно вокруг поступка сосредоточены все

«пространственно-временные и содержательно-смысловые ценности и отношения». В эпосе эта роль поступка акцентируется тем, что герой совершает сознательный выбор высшей, предельной ценности с риском для жизни» [Миронов, 2023а: 42]. И хотя, как отмечал Мелетинский, подвиги героя часто не служат прямо интересам коллектива» (личная месть, добывание невесты или ценного артефакта), но они «соответствуют идеальным нормам поведения» [Мелетинский, 2004: 427].

Знаковый момент, что эпический герой следует наиболее общим, провозглашаемым на декларативном уровне, моральным принципам, но именно этим и вызывает неприязнь со стороны соплеменников, так как большинство людей не в силах следовать таким принципам из-за собственной трусости, жадности, высокомерии или других причин. Наиболее подробно на этой осорбенности эпического героя останавливается Баркова. Хотя нельзя полностью согласиться с ее утверждением, что конфликт эпического героя с обществом – «непременная черта эпоса любого народа» [Баркова, 2007: 349], так как в многообразии эпического наследия присутствуют эпосы и без данной черты. Однако этот признак действительно является одним из часто встречающихся и выступает довольно значимой характеристикой применительно к современным интерпретациям эпических героев.

Как учил Конфуций: Правитель должен быть правителем, отец отцом, сын сыном. Следуя этой схеме, можно предположить, что и герой должен быть героем. Но этой позиции нет в схеме Конфуция, не рассчитанной на формажорные обстоятельства, а призванной как раз их всячески избегать.

Но на деле такие обстоятельства все же возникают, и тогда, как отмечалось выше, именно эпический герой и следует больше других декларируемым принципам чести и долга. Когда время требует героических действий, общество прекрасно осознает, что герой не может и не должен быть таким, как все, чтобы успешно выполнить свое предназначение героя. Особенно важно в этой связи подчеркнуть конфуцианский принцип взаимности, являющийся одним из вариантов Золотого правила нравственности. И хотя герой следует этому принципу бескорыстно, но нередко в качестве награды за проявленное сострадание и помощь герой обретает некоего чудодейственного помощника. Так, в алтайском эпосе «Когутэй» «богатырь Кускун-Кара-Матыр отправляется к мифической священной царь-птице Кан-Кереде, которая может легко проглотить богатыря. Но Кускун-Кара-Матыр спасает птенцов Кан-Кереде от семиглавого змея и этим поступком располагает к себе волшебную птицу-зверя, которая становится его помощницей» [Тозыякова, Гребенникова, 2021: 2953]. Тем самым в эпосе проявляется одобрение действий героя.

Эпическая смерть. Тот факт, что эпический герой живет в определенном историческом, а не метафизическом, времени, с неизбежностью приводит к тому, что время жизни самого героя рано или поздно заканчивается. И в этом еще одно знаковое отличие эпического героя от мифологического. Эпический герой может быть наделен необычайными способностями, подобно мифологическим персонажам, он может быть невероятно могуч, что дает ему возможность

потягаться даже с небожителями, но как бы ни были огромны его силы, они не безграничны. Поэтому эпический герой, в отличие от богов (а именно они, как правило, являются мифологическими героями прошлого), не бессмертен. И в этом тоже, помимо философского смысла, связанного с уже описанным выше пониманием привязанности к историческому времени, заложен этический смысл. Именно смертность позволяет оценить готовность героя на поступок с риском для жизни.

Примечательно, что именно так Л. Н. Гумилев определял пассионарность: «необратимое внутреннее стремление» к такой деятельности, при которой «достижение намеченной цели... представляется ему ценнее даже собственной жизни» [Гумилев, 2001: 305]. А поскольку именно пассионарии являются движущей силой истории и развития собственного народа, то небезосновательно предположить, что именно пассионарные черты стремились воспеть в эпосах, чтобы закрепить в народном сознании как образовательный идеал. Возможно, именно черты пассионарности отражаются в типичном для героя почти всех эпосов желании найти выход переполнявшей его силы и энергии. Современный исследователь, проводящий параллели между эпическими героями и современным молодым поколением, определила это состояние как «самореализация любой ценой» [Баркова, 2007: 348].

Для объяснения гибели эпического героя, который почти неуязвим и «его невозможно одолеть в честном открытом бою», часто используются такие обоснования, как «предопределение, фатальное стечение обстоятельств», «божественная воля» [Фидаров, 2012: 223]. Такими обстоятельствами может быть предательство, или коварный «удар в спину». Так, герой киргизского эпоса Манас, как и германский Зигфрид, получает от пощаженного им хана калмыков Конурбая смертельный удар копьем в незащищенную спину. Купающегося в озере героя армянского эпоса Давида Сасунского убивает отравленной стрелой собственная дочь за обиду своей матери Чмшик Султан. В результате предательства графа Гвенелона гибнет отряд графа Роланда. Тесей, приехавший на остров Скирос, который некогда принадлежал его отцу, заманивается местным правителем посетить самую высокую гору, чтобы обозреть свои новые владения, и гибнет в пропасти от предательского удара. В колодец с отравленными копьями завистливый Шахал предательски толкает своего названного брата шестисотлетнего героя Рустама.

И именно гибель героя часто в полной мере раскрывает его готовность следовать тому девизу, о котором мы писали выше: «делай, что должно и будь, что будет». То есть герой не только не рассчитывает на благодарность, но готов даже к неблагодарности. Но любая попытка усомниться в подвиге как единственно возможном для героя поступке воспринимается им как смертельная обида, сродни предательскому удару в спину. Недоверие как бы вычеркивает героя из списка равных ему по силе и доблести, которое он может не пережить. Характерно поведение героя русской былины Сухмана, отправленного князем Владимиром на ловлю лебедей, но столкнувшегося с вражеским войском, пытавшимся перейти реку. Сухман разбивает врага, но несмотря на полученные

многочисленные раны, его слова не вызывают доверия разгневанного князя. И хотя Добрыня, посланный на место боя, вернувшись, подтверждает правоту Сухмана, сам факт недоверия для героя смертелен, он срывает со своих ран целебные листья и умирает. В связи с этим интересно отметить, что сама смерть героя сохраняется в народной памяти, ассоциируясь с топонимами. Из крови Сухмана появляется река Сузмань (река в Московской области) [Малышев, 1956]. Из крови Дуная, заколовшего себя после случайного убийства своей беременной жены, появляется река Дунай. Гибель бросившегося в море отца Тесея, царя Эгея, дает морю его имя.

В заключение следует отметить, что не все выделенные черты эпического героя применимы к каждому отдельному герою того или иного эпоса, но, как мы покажем в дальнейших работах, именно они в первую очередь воспроизводятся в современных произведениях эпического характера.

Список литературы

Vigel, Zholobova, 2017 – *Vigel N., Zholobova I. Heroic epos of North Caucasus Nations as basis for ethnical culture of Adygea people* // Научный альманах стран Причерноморья. 2017. №2 (10). С. 25-30.

Амбарцумян, 2016 – *Амбарцумян А. А. О некоторых эпико-мифологических мотивах армянского и карачаево-балкарского эпосов (на примере «Давида Сасунского» и «Нартиады»)* // Вестник Северо-восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение. 2016. № 3 (03). С. 34-43.

Бакиров, 2021 – *Бакиров А. А. Древнейшие образы и сюжеты эпоса «Манас»* // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. Вып. 4. С. 498-518.

Баркова, 2007 – *Баркова А. Л. Исключение становится правилом: особенности мировоззрения нового поколения* // материалы Международной научно-общественной конференции «Дети нового сознания». М.: Международная общественная организация «Международный Центр Рерихов», 2007. С. 346-350.

Горяева, Убушиева, 2022 – *Горяева Б.Б., Убушиева Д.В. Мотив рождения героя в сказочно-эпической традиции калмыков* // Новый филологический вестник. 2022. №1(60). С. 385-399.

Гумилев, 2001 – *Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли*. СПб.: Кристалл, 2001. 640 с.

Дзиццойты, 2003 – *Дзиццойты Ю.А. Нартовский эпос и Амираниани*. Цхинвал, 2003. 224 с.

Дмитриев, 1935 – *Дмитриев Н. Введение* // Когутэй. – М., Л.: Академия, 1935. С. 13–38.

Емельянов, 2015 – *Емельянов В. В. Гильгамеш. Биография легенды / Жизнь замечательных людей: Малая серия: серия биографий. Вып. 92*. М.: Молодая гвардия, 2015. 358 с.

Зарипова, 2017 – *Зарипова Р. М.* Образ главного героя в башкирском историческом эпосе «Идукай и Мурадым» // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. №4. С. 1071-1076.

Колосов, 2015 – *Колосов Д. В.* Четыре аспекта фигуры эпического героя на примере образа Геракла // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2015. №2. С. 95-108.

Кыдырбаева, 2013 – *Кыдырбаева Р.* В начале было Слово... Бишкек: Издательство АН КР, 2013. 324 с.

Кэмпбелл, 2008 – *Кэмпбелл Д.* Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2008. 308 с.

Лиотар, 1998 – *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Майков, 1863 – *Майков Л. Н.* О былинах Владимиров цикла: Исследование Л. Майкова на степень магистра русской словесности. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1863. 142 с.

Малышев, 1956 – *Малышев В. И.* Повесть о Сухане: Из истории русской повести XVII в. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 251 с.

Мелетинский, 2004 – *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. Изд. 2-е, испр. М.: «Восточная литература» РАН, 2004. 460 с.

Мелетинский, 1963 – *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 462 с.

Меньшиков, 1901 – *Меньшиков М. О.* Свое и чужое. III. Критерий образованности // Новое время. 1901. № 9060 (27 мая/ 9 июня). С. 2-3.

Миронов, 2022 – *Миронов А. С.* Эпос русских: ценности. Часть 1. Предельные ценности русского эпического сознания: честь и слава. М.: Институт Наследия, 2022. 354 с.

Миронов, 2023а – *Миронов А. С.* Аксиологические доминанты в системе ценностей русского эпического героя // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 21(2). С. 38-65.

Миронов, 2023б – *Миронов А. С.* Эпос русских: ценности. Часть 2. Героические «энергии»: Сила и гнев. М.: Институт Наследия, 2023. 352 с.

Низамутдинова, 2012 – *Низамутдинова Г. М.* Этические и эстетические единицы национального развития: «Герой» и «Эпоха» // Вестник Казанского технологического университета. 2012. №17. С. 344-347.

Новиков, 2008 – *Новиков Ю. А.* Эпический герой и социум (к проблеме «я и другой») // Народные культуры Европейского Севера: материалы Республиканской научной конференции, (Архангельск, 15 – 17 октября 2007 г.). Архангельск: Поморский университет, 2008. URL: <https://narfu.ru/folk/publikatsii/bibliograficheskiy-ukazatel-publikatsiy-sayta/detail.php?ID=248657> (дата обращения: 26.05.2025).

Тозыякова, Гребенникова, 2021 – *Тозыякова Е. А., Гребенникова Н. С.* Человек в алтайской эпической картине мира в контексте проблемы национальной идентичности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. 2021. Том 14. Выпуск 10. С. 2952-2957.

Тугутов, 2008 – *Тугутов А. И.* Эпическая поэма «Повесть об Убаши-хунтайджи»: к проблеме изучения эпического персонажа // Вестник КИГИ РАН. 2008. №4. С. 89-92.

Турсуналиев, 2016 – *Турсуналиев С. Ш.* Эпические герои в формате кочевье-оседлость // Евразийский научный журнал. 2016. №10. С. 321-323.

Фидаров, 2012 – *Фидаров Р. Ф.* Опыт сравнительно-исторического изучения сказа о Сохрабе «Шахнаме» и сказания о безымянном сыне Урузмага осетинского нартского эпоса // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. ФГБУН Сев.-Осетинский институт гуманитарных и социологических исследований им. В. И. Абаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 221-228.

Фрай, 1987 – *Фрай Н.* Анатомия критики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М.: Издательство Московского университета, 1987. С. 232-263.

Хоконов, 2012 – *Хоконов М. А.* К проблеме философско-культурологического осмысления адыгского нартского эпоса // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ, 2012. С. 262-274.

Шенкао, 2011 – *Шенкао М. А.* Специфика мифозепического сознания. Вестник Российского философского общества. 2011. № 1. <https://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshhestva/vestnik-1-57-2011/11629-o-specifike-mifo-yepicheskogo-soznaniya.html> (дата обращения: 26.05.2025).

Элиаде, 2010 – *Элиаде М.* Аспекты мифа / Пер. с фр. В.П. Большакова. – 4-е изд. М.: Академический Проект, 2010. 251 с.

Юлдыбаева, 2014 – *Юлдыбаева Г. В.* Башкирский мифологический эпос «Акбузат» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2014. № 16 (345). С. 150-155.